

елизавета
ГОЛИКОВА

НАШ Федя познакомился с девочкой. Сначала с одной. Это произошло в раздевалке перед входом в бассейн. Раздевалка была женской.

Я очень переживала перед тем, как войти туда с ним, но отправить трехлетнего сына в мужскую раздевалку в тот день было решительно не с кем. Для того чтобы свести к минимуму возможность психологической травмы, я поставила Федю в угол, из которого переодевающиеся женщины были практически не видны.

Федя знает, что, когда ставят в угол, это наказание, поэтому он вряд ли меня понял. Надевая купальник, я всячески давала ему понять, что все хорошо и в углу надо просто постоять. Я отвлеклась от Феде на минуту. Он использовал этот момент с максимальной эффективностью:

— Мама, а почему у меня просто плавки, а у всех купальники? Почему я должен быть почти голым?

Я могла бы ему дать ответ, который он стал слышать слишком часто в своей жизни: «Потому что ты — мужчина». Но, произнеся эту фразу про себя, я поняла, что в женской раздевалке она прозвучит не слишком уместно, и ответила:

— Потому что мы — женщины.

Сын задумался.

Во время плавания Федя пару раз повторял как бы про себя:

— Потому что они — женщины. Потому что они — женщины.

Он часто теперь так делает. Может повторять одну и ту же фразу двадцать четыре раза подряд.

Через час мы снова оказались в раздевалке. Народу прибавилось. На скамейке напротив нас сидела девочка лет четырех. Я планировала поставить Федю в угол после того, как одену. Он сидел в полотенцах и пытался натянуть носки на еще слегка влаж-

ные ступни. У него не получалось, и он был предельно сосредоточен.

— Ты похож на льва. Ты — лев? — спросила девочка очень громко и расставляя слова так, что Федя вынужден был оглядеть сам себя, чтобы убедиться в том, что он — Федя. Это потребовало времени. Он поднимал поочередно руки, оглядывал их, потом схватился почему-то за нос, затем — за уши. Убедившись, видимо, что все на месте, он, так же расставляя слова, сообщил:

— Я не лев! Я — Федя.

Они познакомились. Ее звали Лия.

— У тебя грива, как у льва.

Федины белые жесткие волосы после шапочки для бассейна торчали в разные стороны. Я давно не стригла его. Приглядевшись, я поняла, что Лия права. У Феде, можно сказать, была грива.

Он не поверил.

— Мама, я не лев! Я не лев. Я — не лев?

Девочка настаивала. Она веселилась. Ей было отчего-то очень смешно. Федя действительно выглядел обескураженным, и это ее веселило. Но он быстро нашел что ответить:

— А ты — женщина.

Мама девочки, до этого сосредоточенно собиравшая мокрые вещи в рюкзак, взглянула на мальчика. Ему почему-то стало неловко.

— Успокойся, пожалуйста, я не лев. Не надо меня бояться. — Федя успокаивал девочку как мог, одновременно пытаясь внести в ситуацию полную ясность.

Но девочка уже больше не обращала на него внимания. Ей был неинтересен мальчик, который не оценил сравнения со львом.

А Федя, между прочим, оценил, и даже, видимо, был несколько потрясен. Еще бы: незнакомая девочка увидела в нем, настоящем мужчине Феде, какого-то страшного льва. В течение нескольких дней после этого эпизода он иногда вдруг тревожно спрашивал:

— Мама, я не лев?

Потом он встретил еще одну девочку. У них в школе появилась Майя. Он

КАЖЕТСЯ, ФЕДЯ БЫЛ ГОТОВ НА ЛЮБЫЕ ВАРИАНТЫ, ЛИШЬ БЫ ЕГО ЛЮБИМАЯ СЕСТРА НЕ ОКАЗАЛАСЬ ЖЕНЩИНОЙ

пять раз сказал ей «привет». Она ответила лишь однажды.

— Посмотри, какой я красивый, — он подошел к ней почти вплотную, и мама девочки прижала ее крепче к себе.

В субботу мы ходили на детскую дискотеку. Дело в том, что наш Федя очень любит танцевать. Сначала, конечно, очень стесняется и при первой же возможности просится в туалет, где просит его оставить.

— Давай я здесь посижу, — тихонько говорит сын, — а потом вы меня забереете.

Зато потом, попав на сцену, он не хочет уходить. Так было всегда. Этот раз не стал исключением, только теперь он танцевал с девочкой. По крайней мере ему так казалось. Девочке было лет девять, и она неплохо двигалась, была полностью увлечена тем, как она выглядит со стороны. Федя ей в этом смысле был не слишком интересен — она была выше его ровно вдвое. К тому же Федя почему-то оказывался всегда между ней и другим мальчиком, который был ровесником этой девочки, и ей, судя по всему, очень хотелось обратить на себя его внимание. Но Федя подпрыгивал между ними, хлопал, приседал и даже пел. Девочка его старательно обтанцовывала. Но он был настойчив.

— Я не пойду домой. Останусь здесь. Видишь, я танцую с девочкой.

Через несколько минут она ушла, не сказав ему ни слова. Хотя он, видно, очень ждал этого. Музыка стихла.

Было очевидно, что слова и действия, которые он подбирал в попытке пообщаться с женщинами, оказывались неверными. Можно сказать, что на этом фронте Федя терпел неудачи. Прошло несколько дней. И Федя дозрел до вопроса, которого я вообще ждала сразу после переодевания в бассейне:

— Мама, я не понимаю, что такое женщины. Научи меня.

Он часто в последнее время просит его чему-нибудь научить. Он ждет, когда я научу его заводить машину,

писать слово «Федя» и готовить его любимым чизкейк.

Варя тоже была подключена к процессу.

— Варь, ты женщина? — уточнил однажды он, засыпая. — А вот если бы я был хамелеон, ты — слониха, то у нас бы был ребенок слоненок?

Кажется, сын был готов на любые варианты, лишь бы его любимая сестра не оказалась женщиной. Этим загадочным существом, которому положено больше одежды, которое любит страшных львов, а от красивых мужчин уходит не прощаясь.

Мы решили использовать Федино желание приблизиться к пониманию того, что такое женщины, в мирных целях. Он не умеет еще кататься на велосипеде. Сначала он его избегал, потом попробовал, но упал и сильно расшибся. Мы пытались заинтересовать его велосипедом еще с начала лета, но ничего не получалось. А тут он увидел девочку, которая каталась на велосипеде и делала это довольно технично.

— Она катается! — воскликнул сын. — Научи меня!

Целый день он учился управлять рулем одновременно с кручением педалей. Ему было сложно. Но вчера он поехал. Сам.

Вечером он рассказал об этом папе. Утром — мне. Ему хотелось со всеми поделиться.

— Я умею кататься на велосипеде. Ты представляешь? — сказал он на следующий день Майе, с которой встретился в школе. — Я могу научить тебя.

— Я умею, — она не оставила ему шансов.

Он очень долго засыпал в тот день. Просил отвести его в туалет. Дать пить. Почитать сказку. Включить свет. Выключить. Он использовал все аргументы, но заснуть не мог.

— Она ко мне не придет. Она не придет. Она ко мне уже не придет. Она не придет, потому что она — женщина.

Я не знаю, о ком он, но этой ночью ему, очевидно, снились львы.